

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1р.18к.

Сочинять сказки и рассказы для маленьких ребят я начал с тех пор, как стал дедушкой. Простят внуки: «Расскажи! Расскажи что-нибудь!» Ну и стал рассказывать. А потом взял да и записал то, что рассказывали. Вот и получилась эта книжка. Моим внукам она нравится. А вдруг и вам понравится. Вот-то был бы я рад! Так рад, что, наверно, написал бы ещё одну сказку. А может, и не одну, а много. Лишь бы они нравились вам!

Сергей Воронин

СЕРГЕЙ ВОРОНИН

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

РИСУНКИ
Н. КОЧЕРГИНА

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1973

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г., СОСТАВ, ИЛЛЮСТРАЦИИ.

В $\frac{0761-152}{101(03)-73}$ 45—73

РАССКАЗЫ

ВОИНСТВЕННЫЙ ЖАКО

Жако появился в нашей семье в прошлом году. Его привёз мой друг — моряк торгового флота. Он, пожалуй, во всех странах мира перебивал. В прошлом году был в Африке. И как только вернулся, сразу же пришёл ко мне.

— Давно я хотел тебе подарить что-нибудь необыкновенное, — сказал он, — и вот принёс попугая.

С этими словами он снял с большого пакета бумагу, там оказалась клетка, а в клетке крупная птица серого цвета, с алым хвостом и большим, изогнутым клювом.

— Это жако, такая порода. Очень умная птица. Научить её говорить ничего не стоит, но я, к сожалению, не мог этим заняться: некогда было. У тебя же, надеюсь, время найдётся.

Он почему-то считает, что если я писатель, то у меня уйма свободного времени. На самом же деле мне всегда не хватает времени: столько ещё не написано задуман-

ных книг. Но я промолчал, удивлённо и радостно разглядывая подарок.

— Ты не бойся, это очень умная и аккуратная птица. Жако можно выпустить из клетки, он ничего не сломаёт и не разобьёт. Жаль только, что я не научил его говорить, но, надеюсь, ты с этим легко справишься.

Мы посидели с другом, поговорили, а потом он ушёл, и все мои домочадцы: мама, жена и дочь — собрались возле попугая.

— Жако, — сказала дочь попугаю. — Жако... Жако...

Попугай скосил на неё жёлтый зрачок и вдруг совершенно чётко и громко сказал:

— Жако!

Это было удивительно. Мы засмеялись. Дочь, конечно, громче всех — ей всего шесть лет.

— Жако, — сказал ещё раз попугай и отвернулся от нас: ему, наверно, не понравился наш смех, но тут же снова повернулся к нам и ещё громче сказал, даже не сказал, а закричал: — Жако, Жако, Жако, Жако, Жако, Жако!..

Он раз сто прокричал это слово, и никак его невозможно было остановить. Кричит и кричит. Даже надоел нам. И мы решили пока больше никаким словам его не обучать.

Моя мама очень любит пить чай. По несколько раз в день ставит чайник на газовую плиту, и как только он закипит, приходит ко мне в кабинет и спрашивает:

— Чаю хочешь?

Иногда я иду, другой раз не иду, но дело не в этом, а в том, что Жако быстро подхватил мамины слова и к месту и не к месту стал спрашивать: «Чаю хочешь?» И до того это у него ловко получалось, что я отрывался от пишущей машинки и шёл пить чай, думая, что это мама меня зовёт, и только в столовой, не видя ни мамы, ни чайника на столе, понимал, что это меня пригласил Жако.

Ко мне часто приходят товарищи. Ну, и как всегда при встрече, спрашивают:

— Как поживаешь?

Жако и это запомнил. И не успевал ещё гость раздеться, как попугай уже кричал:

— Как поживаешь?

И случалось, что мой товарищ совершенно серьёзно отвечал, думая, что это я его спрашиваю:

— Да ничего, живу, — и вешал пальто на вешалку.

А Жако продолжал быть внимательным и вежливым хозяином. Он спрашивал:

— Чаю хочешь?

— Ну, если у тебя ничего нет другого, то можно и чаю, — отвечал мой товарищ и входил в кабинет — прямо-таки замирал на месте от удивления, не видя в нём людей, и поскорее шёл на кухню или в столовую, разыскивая меня, потому что ему становилось даже страшно от такого разговора, который заводил с ним попугай.

Однажды пришла к нам соседка, очень серьёзная тётя. Она уезжала на юг — покупаться в Чёрном море — и очень просила на время взять её кота, чтобы он пожил у нас.

— С удовольствием, — сказала моя жена. — Только я не знаю, ведь у нас Жако. Как бы кот не растерзал его!

— Ну что вы! — сказала соседка и даже пожала плечами от недоумения: как это, мол, так, что моя жена не знает, какой у неё хороший кот. — Мой Вася очень воспитанный. Он ни за что не тронет вашего Жако, даже если бы это был и не попугай, а самый нежный цыплёнок. Возьмите Васю, я вас очень-очень прошу...

Жена взяла.

Если бы я слышал этот разговор, я бы никогда не разрешил жене взять кота. Однажды летом я видел, как большой рыжий кот напал на молодого голубя. Он прыгнул на него из-за кустов, в то время как голубь купался в лужице дождевой воды. Кот схватил его за горло и потащил в заросли. И загрыз его там.

Я бы, конечно, никогда не допустил в квартиру кота, хоть даже и такого воспитанного, как соседкин Вася. Но я ничего не знал. Сидел и писал свою книгу.

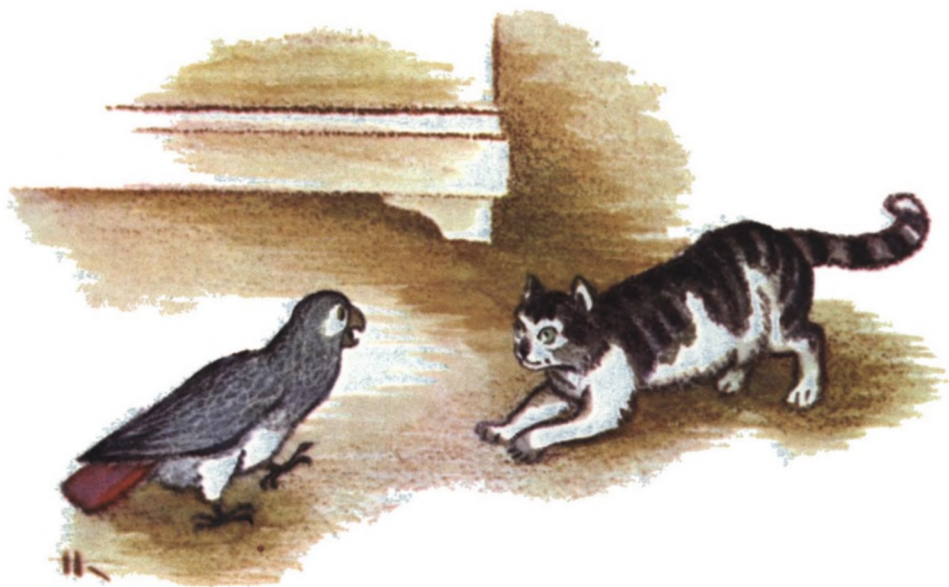
А в это время кот стал ходить по квартире, всё обнюхивать, осматривать, как всё равно какой-нибудь ревизор, несколько раз мяукнул, не то одобряя наши порядки, не то осуждая.

Так он обошёл кухню, потом столовую и вошёл ко мне в кабинет.

Я сидел и писал и не видал, как он вошёл, а Жако спокойно прогуливался по полу, изредка приглашая меня пить чай и напоминая, что его зовут Жако, хотя я и так прекрасно знал, как его зовут.

Сначала я не заметил кота, а когда увидел его, то весь похолодел от ужаса. Вася, этот воспитанный, по заверениям нашей соседки, кот, припал к полу, шевелил возбуждённо кончиком хвоста, глаза у него сверкали от кровожадного желания, и весь он готов был к прыжку на беспечно гулявшего Жако. Мне сразу вспомнился тот рыжий кот, напавший на голубя, — я хотел закричать, запустить чем-нибудь увесистым в этого воспитанного Васю, как вдруг сам Жако подскочил к коту, ударил его по голове своим тяжёлым, изогнутым клювом и спросил:

— Чаю хочешь?

Кот, впервые в своей кошачьей жизни услышав от птицы человеческую речь, настолько был ошеломлён, что даже перестал шевелить кончиком хвоста.

А Жако ещё раз ударил его клювом по голове и вежливо спросил:

— Как поживаешь?

Тут кот совершенно растерялся, заорал и, подняв шерсть дыбом, а хвост трубой, бросился под диван и не вылезал оттуда до тех пор, пока не приехала соседка.

Так что и кормить его нам приходилось под диваном.

— Ну что, не правда ли, мой Вася очень воспитанный кот? — сказала соседка, прижимая Васю к груди. — Надеюсь, он вашу птицу не тронул?

— Нет-нет, — поспешил я успокоить соседку.

— Ну вот видите, а вы...

Но что «вы», она не успела досказать.

В это время из кабинета раздался громкий голос Жако:

— Чаю хочешь?

Потом Жако выбежал к нам.

— Как поживаешь? — крикнул он.

И кот, этот воспитанный Вася, заорал и стал вырываться из рук соседки. Он даже царапал её.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, — может, он и вырвался бы и опять забился под диван, но соседка внимательно посмотрела на воинственно стоявшего Жако, что-то сообразила и, даже не поблагодарив нас, быстро ушла в свою квартиру.

Летом, как всегда, мы выезжаем на дачу. Выехали и теперь. И вот однажды я сидел у окна и читал, а Жако важно прогуливался по подоконнику и поглядывал в сад. К этому времени он уже знал много слов: «Папа, папа!», «Здравствуйте!», «До свиданья!», «Плохая погода!», «Опять дождь», «Сегодня солнышко! Солнышко!...»

Так вот, я читал, Жако смотрел в сад и покрикивал:

— Вот я вас! Вот я вас!

Это он кричал на кур, забравшихся в огород. И тут же раздавалось всполохнутое кудахтанье — куры бежали в разные стороны.

— До чего же умная птица! — донёсся до меня восхищённый голос хозяйки из сада. — Пошли вон! Кш-ш-ш! Вот я вас!

— Вот я вас! Вот я вас! — кричал Жако.

— Вы знаете, я теперь могу быть совершенно спокойна за огород. Лучшего сторожа и не придумать, — говорила хозяйка моей жене. — Умница! Умница! Удивительная птица!

А Жако, будто эти слова его и не касались, важно прогуливался по подоконнику и посматривал в сад.

— Пошли вон! Вот я вас! — закричал он однажды на клуху с цыплятами. Но клуха и не подумала уходить. Она нашла зёрнышко и звала к себе цыплят. Цыплята побежали к ней.

— Вот я вас! — крикнул ещё раз Жако и слетел в сад, чтобы выгнать клуху с цыплятами вон.

Но тут по земле мелькнула чёрная тень, слышалось громкое хлопанье крыльев, и я услышал голос Жако. Он быстро и возбуждённо кричал:

— Папа! Папа! Как поживаешь? Чаю хочешь?

Я высунулся в окно и увидел насевшего на Жако коричневого коршуна. Одной лапой коршун вцепился ему в грудь, другой нацеливался в голову. Жако, прикрывая собою клуху с цыплятами, отбивался от него клювом и звал на помощь.

Не долго думая, я выскочил в окно. Коршун, увидев меня, со злым клёкотом взмыл в небо.

— Разбойник! — крикнул я и бросил ему вслед подвернувшееся под руку дочкино ведёрко.

— Разбойник! — крикнул Жако и, хромя, бросился ко мне.

Я взял его на руки. У Жако алым был не только хвост, но и грудь. Грудь была алой от крови.

— Бедный Жако! — сказал я, бережно прижимая его к себе. — Храбрый Жако!

Жако возбуждённо вертел головой и кричал:

— Папа! Папа! Здравствуйте! До свиданья! Пошли вон! Разбойник!

Дочка бежала рядом со мной и плакала от жалости к Жако. Бабушка ругала злого коршуна.

Мы обмыли Жако грудку — с неё были сорваны перья, и на теле виднелись следы когтей коршуна, — дали Жако попить, накололи орешков и поместили в клетку.

Я несколько раз подходил к нему. Жако внимательно посматривал на меня и молчал.

Мы очень боялись, как бы он не умер. Но всё обошлось хорошо. Раны на его груди зажили, и уже через несколько дней он опять сидел на подоконнике, кричал на кур, если они забирались в огород, но на землю не спускался.

Зато Жако не пропускал ни одной летящей над огородом птицы, даже воробья. Тут Жако воинственно подсакивал и кричал:

— Разбойник! Разбойник! — и при этом громко щёлкал своим сильным изогнутым клювом.

МОЯ БЕРЁЗА

Прямо перед моим окном растёт высокая стройная берёза. Когда-то давно-давно, лет двадцать назад, я косил траву и в её гуще заметил маленькую берёзку и оставил её. Не срезал. И теперь её верхушка упирается чуть ли не в небо. Да, теперь она могучая, и казалось бы, ничто не может ей угрожать, — и всё же я боюсь за неё. Столько опасного подстерегает мою берёзу. Это только кажется, что дерево ничего не чувствует. На самом же деле у него своя жизнь, свои радости и тревоги, только люди не замечают этого. Но, если присмотреться, прислушаться, то можно многое увидеть.

Я вам расскажу то, что мне удалось заметить. Расскажу, как берёза борется за свою жизнь.

Летом

Летом у моей берёзы отличная зелень. Она кипит при малейшем дуновении. Листва у неё яркая, упругая. Целый день в ней щебечут птицы. Но сколько ни вглядывайся, не увидишь их, настолько она густа, непрони-

цаема. Даже солнце не может пробиться. И потому на земле всегда лежит большая прохладная тень, в которую можно спрятаться от жары.

В июне не выпало ни дождины. Всё живое изнывало от зноя. Пожелтели травы. Поникли цветы. Стала сохнуть на ольхе листва. Но моя берёза, видно, впрок, ещё с весны, запасла для себя влаги и несколько не пострадала от засухи. Её листва была всё такой же упругой и даже подвыросла, и края у листьев стали округлыми, а не зубчиками, как это было, когда они вылезали из почек.

Однажды налетела гроза. Она весь день кружила возле моего дома, всё мрачнела, глухо — где-то внутри себя — погромыхивала и к вечеру разразилась.

Взвыл ветер. Сначала он словно попробовал — как она, крепка, устойчива? В ответ берёза затрепетала листвой. Она не то чтобы испугалась, но почувствовала всю опасность, какая ей могла угрожать. Ведь часто ветер ломает даже дубы.

Берёза притихла. И когда ветер завыл, налетел на неё, как разъярённый бык, и ударил со всей силой, берёза пошатнулась и тут же откинула всю листву по ветру. Так ей легче было выстоять. Ветер налетел снова — и снова берёза откинула свои ветви.

Тогда ветер уступил место ливню. Пусть тот сомнёт её листву своими косыми струями, избыёт тяжёлыми каплями дождя. Но берёза и тут знала, как вести себя. Она опустила все свои ветви вдоль ствола, и с них, как с опущенных рук, потекли на землю ручьи.

Гроза умчалась. Вышло солнце, и вся листва на берёзе засверкала, заблестела, будто берёза заулыбалась...

Я глядел на неё и радовался её силе, её умению бороться за себя.

Было время, когда моя берёза выросла из семечка. Теперь каждое лето она сама усыпает землю маленькими жёлтыми самолётиками. С ветром и без ветра она выпускает своих детей во все стороны. И в этом году она выпустила их много множество. И вскоре на полях, в лугах, в ложбинах, возле дорог, по берегам рек и ручьёв появились берёзовые всходы. Это дети моей берёзы. Той самой, которой когда-то я сохранил жизнь.

Осенью

Не всё лето. Приходит и осень. Сизые облака, как тревожный, напоминающий войну дым, наступают

по всему небу. Идут вал за валом. Идут низко, чуть ли не касаясь телевизионных антенн.

И сразу стала желтеть листва. Всё больше, больше, словно заклинающая солнце вернуться.

А его нет и нет.

Потом пошли дожди. Они слабо шелестели, скатываясь с ветки на ветку. И день и ночь лили. Всё стало мокрым, и земля перестала впитывать воду, может, потому, что всему растущему влага уже не была нужна.

Однажды я проснулся ночью. Как было темно в доме! Как тихо... Я встал, открыл окно и увидел берёзку, еле различимую во мраке осени. Она стояла неприкрытая, отданная ненастью.

А наутро ударил заморозок — и вся листва улеглась вокруг берёзы золотым кольцом. И какой грустью повеяло от её оголённых чёрных ветвей! Ведь совсем ещё недавно был буйный кипень свежей зелени, всё сверкало, лоснилось. И вдруг исчезло. И исчезло надолго.

Будут идти морозящие дожди, будет чернеть гниющая листва, будут зябко стучать на ветру окостеневшие ветви, будут стечь лужи. Улетят птицы. И потянутся длинные глухие ночи. Зимой они будут ещё длиннее. Завоют метели. Удалят морозы...

Зимой

Ах, какие в этом году были сильные морозы! Чтобы заледенить всё живое, им помогали северные жестокие ветры. Погибли яблони, вымерзли клёны.

Я глядел на берёзу и думал, что вот она не покинула эту суровую землю, на которой выросла сама и растут её дети. Не ушла, а только крепче затаила свои почки, сжала их, чтобы сохранить от морозов.

Ей разодрало ствол, и её белая мякоть, запорошённая снегом, лезла мне в глаза. Я прикоснулся к стволу. Кора на нём была грубая, вся в трещинах.

Это была рабочая кора, пригодная для борьбы с ненастьем, вьюгами, ветрами.

Весной

Весной её ветки еле-еле отходили от долгих морозов. Они были ещё жёсткие, хрупкие. И ветер в них сквозил жёстко. Но уже прилетели скворцы, и с её ветвей понеслись пересвисты. И с каждым днём песни становились звонче, и солнце светило щедрее, и уже растаял снег, и осталось совсем немного, чтобы узнать, погибла или выжила моя берёза.

Однажды утром к ней пришёл человек. Он пробуравил в её стволе

длинным буром глубокую дыру. Вбил в кору желобок из нержавеющей стали — так, чтобы в него из дыры закапал сок. И сок закапал. Светлый, как слёзы.

— Что вы делаете? — закричал я.

— Добываю сок, — ответил человек.

— Не смейте этого делать! Вы губите её!

— Ничего ей не сделается...

Но я прогнал его. Я не мог допустить, чтобы моя берёза, перенёсшая грозы и засуху, перестрадавшая от морозов и жгучих ветров, ещё испытала и жестокость человека. Я прогнал его! А капли быстро, одна за другой, как из раны, стекали по её стволу, и я не знал, как помочь, что сделать, чтобы остановить её светлую кровь.

Но берёза вылечила себя сама. Через неделю рану затянуло коричневым. К этому времени стало уже совсем тепло. И у берёзы начали набухать почки, и из них полезли зелёные язычки. Тысячи язычков! И я радовался, я смеялся от счастья, что моя берёза выстояла, не погибла, что скоро она зашумит на ветру глянцевитой листвой и, как всегда, в её гуще защечечут птицы, и на землю ляжет большая прохладная тень. И если будет очень жарко, я приду в эту тень и прислонюсь к могучему стволу берёзы, радуясь тому, что она мой друг.

Добрый, бескорыстный друг!

ДЕВЯТЬ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ

1

Как всегда, так и в этом году на Чудское озеро пришла весна. И на всём его необъятном просторе начал таять снег, и побежала вода, скатываясь по гладкому льду в трещины. Стала их размывать. Ей помогало солнце. А тут ещё подоспел тёплый южный ветер, он погнал лёд, и на озере открылось большое чистое пространство, в котором отразилось голубое небо и лёгкие облака.

И сразу над водой закружились чайки. К ним подлетела стая уток, стала нырять, плавать, чиститься. И вдруг замерла.

С неба донёсся трубный клик лебедей.

Всё ниже, ниже большие белые птицы. Распрямив крылья, почти не шевеля ими, опустились на воду и поплыли, гордо поглядывая вокруг.

Утки посторонились, чтобы не мешать им плавать, а

чайки ещё веселее закружились и ещё громче закричали, приветствуя прилёт лебедей.

Среди прилетевших птиц были два самых красивых лебедя. Они родились здесь и прилетели сюда опять, чтобы сделать гнездо и вывести птенцов. Лебедя звали Белопух.

«Анг!.. Анг!..» — прокричал он, что означало: «Легкокрылая, наш путь окончен. Мы дома».

«Анг... Анг...» — произнесла Легкокрылая, что означало: «Я рада, Белопух, что мы дома».

2

Белопух уверенно плыл по широкому протоку, заросшему тростником и водорослями. Он знал маленький островок, затерянный в густых зарослях. Островок был маленький. С круглый стол, не больше. Но его было вполне достаточно, чтобы построить на нём гнездо.

«Анг... Анг...» — сказал Белопух, и Легкокрылая поняла, что он здесь родился и здесь хочет вывести птенцов.

«Анг... Анг...» — ответила Легкокрылая, и Белопух понял, что островок ей понравился и что здесь никто не увидит их гнезда.

Одним концом проток выходил в Чудское озеро — оттуда приплыл Белопух со своей подругой, другим концом соединялся с большой бухтой. На дальнем берегу этой бухты стояла деревня. Белопух об этом знал и решил проверить, так ли уж она далеко, не может ли быть от неё какой опасности.

Над камышами крутилась мошкара. Играя, гонялись друг за другом бабочки. С веткой во рту проплыла ондатра. Беспечно плескалась рыба. «Вроде бы, ничего опасного нет...» — подумал Белопух, раздвигая грудью заросли.

И вдруг раздался выстрел!

И сразу же у берега что-то захлестало, завозилось. Белопух резко пригнул голову к воде, чтобы его не заметили. Он даже перестал дышать. Замер. И только когда всё стихло и уже где-то в стороне от него слышался треск, осмелился посмотреть и увидел человека в высоких резиновых сапогах. В руке у него была большая щука. Через плечо висело ружьё.

Вернувшись к островку, он ничего не сказал Легкокрылой, чтобы не встревожить её, и стал помогать строить гнездо.

3

Оно было большое, вместительное, усталое по дну сухим примятым камышом. Легкокрылая снесла семь крупных зеленоватых яиц и села на них, чтобы высидеть птенцов. А Белопух стал зорко охранять. Он никого, даже пичужек, не подпускал близко. А когда однажды, по неопытности, к нему приблизилась молодая ондатра, он так ущипнул её за хвост, что та заверещала и чуть не захлебнулась от страха. И уж конечно, больше никогда не приближалась к жилищу Белопуха.

Случалось, что Легкокрылой становилось скучно всё время сидеть в гнезде, тогда Белопух начинал её развлекать. Кувыркался в воде, ложился на спину и смешно тряс лапами. А иногда Белопух подплывал к гнез-

ду, вытягивал свою длинную шею и негромко начинал напевать: «Анг... Анг... Анг... Анг...»

Каждое «Анг...» он произносил по-разному, и получалось: «Я тебя очень люблю... Скоро у нас будут птенцы... И тогда мы уйдём отсюда в Чудское озеро. Его называли так потому, что это — чудо! Оно большое, как море. И там ничто не будет нам угрожать. Мы там будем плавать. Качаться на волнах. И с нами будут наши дети».

Слушая песню Белопуха, Легкокрылая отвечала ласково и устало: «Конечно, мне бы хотелось поплавать. Так надоело неподвижно сидеть. Но ничего, скоро-скоро у нас будут птенцы... И мы уйдём отсюда в Чудское озеро... Только я чего-то всё время боюсь...»

«Ну чего тут бояться! Мы в хорошем укрытии», — успокоил её Белопух, а сам подумал о человеке, убившем щуку.

4

Птенцы вывелись в грозовую ночь. По всему громадному чёрному небу метались молнии. Грохотал гром. Хлестал ливень. Легкокрылая спрятала голову под крыло, но даже и там видела всполохи молний.

И вот в эту страшную непогоду она почувствовала, как у неё под животом, в горячем пуху, зашевелился первый птенец. «Анг... Анг...» — сказала она Белопуху, сидевшему с ней рядом, что означало: «Один уже есть. Тёпленький. Живой!»

Белопух ещё ближе придвинулся к ней, чтобы хоть как-то уберечь от дождя и ветра.

Вскоре за первым вылез из своего яйца второй птенец и сразу же забрался под крыло матери. Потом к нему прибавился третий. И к утру, когда гроза уже стихала, ушли облака и поднялось солнце, все семь птенцов сидели под крыльями матери.

Легкокрылая встала, осторожно переставила ноги и

сошла с гнезда. И Белопух, с нетерпением ожидавший этого дня, увидел своих детей.

Это были пушистые комочки, и каждый комочек широко открывал жёлтый рот.

«Анг... Анг...» — произнёс Белопух, что значило: «Какие вышли славные ребятки. Чудесно!» — и стал поправлять пух на их спинках, гладить клювом, а Легкокрылая неподалёку на воде махала крыльями, плавала, мылась. Она не торопилась в гнездо, потому что главное было сделано.

Грело солнце, и птенцы, радуясь теплу, вставали на свои слабенькие ножки, трепыхали крылышками и пищали, требуя еды.

«Потерпите, потерпите немного, — говорил им ласково Белопух, — вот обсохнете — и я вас поведу в столовую. Я давно уже приглядел хорошее местечко».

И замер...

Кто-то шёл по протоке, направляясь прямо к гнезду.

«Неужели это человек, убивший щуку?» — подумал Белопух и поглядел на Легкокрылую — её карие глаза были полны ужаса. Если бы не птенцы, Белопух и Легкокрылая скрылись бы в гуще зелёных камышей. Но разве бросишь детей?

А чавкающие шаги всё ближе!

И тогда Белопух кинулся навстречу опасности, чтобы отвести от своего гнезда страшного человека. Он летел прямо на него и... чуть не ударился о длинные твёрдые ноги лося. Да, это был всего лишь старый лось, переходивший проток с берега на берег.

5

Нет, не сразу они вышли на Чудское озеро. Не один день Легкокрылая носила их на своей спине, не одну ночь они провели под её крыльями. Но вот подросли и теперь плыли за своим отцом. Позади всех — Легкокрылая. Ей хорошо было видно детей, и она радовалась, как умело и старательно перебирали они ножками.

Вышли они из протока туманным утром, чтобы никто их не мог заметить. А когда поднялось солнце и туман рассеялся, были уже в самом Чудском.

Громадное, с лёгкой зыбью гладких волн, оно привело в восторг молодых лебедей, — они тут же стали гоняться друг за другом, брызгаться, носиться по воде, как маленькие стремительные катера, или качаться на волнах вместе с отцом и матерью.

Далеко-далеко, там, где небо сливается с водой, двигались пароходы. Летали над водой чайки. Волны одна за другой шли из неведомой дали. И лебеди всё дальше уходили в море.

Белопуху хотелось, чтобы его дети почувствовали простор, полюбили эту большую прозрачную воду.

«Анг... Анг...» — щёлкал он клювом, и птенцы понимали его, влюблялись в синий солнечный простор и просили отца плыть дальше и дальше, к тому месту, где вода сливается с небом.

«Туда даже не долетишь, — отвечал им Белопух, — да и зачем туда лететь, если и здесь хорошо? К тому же пора и возвращаться. Наш корм у берега, на мелководье. Домой! Домой!»

С этого дня они уже часто выходили на большую воду. И каждый раз всё больше нового открывали птенцы.

Они узнали, что Чудское озеро не всегда бывает ласковым. Бывает и суровым. И тогда большие волны с белыми гребнями несутся одна за другой. Их гонит крутой ветер. И хотя опасного в этом нет, когда находишься на просторе, всё же надо поглядывать, чтобы не захлестнуло взъерошенной водой. Случалось и так, что в озеро

совсем нельзя было войти. Там бушевала буря, метался ветер.

Зато как радостно было после бури, когда нет ветра, когда тишь, когда солнцу не мешают тяжёлые тучи, плыть и плыть в светлый простор, поднимаясь и опускаясь на гладких волнах!

6

Однажды ранним утром, когда солнце ещё только начало освещать Чудское, Белопух сказал своим уже выросшим детям: «Анг... Анг...»

«Слушайте, дети, — вот что значили его слова, — теперь вы уже большие. Вам нужно набираться сил, а нам с матерью надо отдохнуть. Учитесь хорошо летать. Летайте! Вы должны быть сильными и выносливыми. И не скучайте по нас. Когда придёт время холодных ветров и осыплется листва, мы вас позовём. И полетим вместе в тёплые края. А пока набирайтесь сил. Готовьтесь к большому полёту!»

С этими словами Белопух стал с силой бить своими большими крыльями, шлёпать по воде широкими лапами, неожиданно пробежал, разбрызгивая воду, всё быстрее, быстрее — и полетел!

«Анг... Анг... — произнесла Легкокрылая. — Смотрите, как летит отец. Так же и вы должны уметь. А ну-ка!»

И тут все семеро не удержались и тоже стали бить крыльями — зашлёпали ногами, побежали по воде всё быстрее, быстрее, оторвались от воды и пошли вверх...

За ними летела Легкокрылая.

«Киллькли!» — донёсся до них голос отца.

Они поняли его, выстроились в треугольник и полетели к тому месту, где вода сливается с небом.

Потом Белопух стал подниматься выше, ещё выше.

И тогда перед ними открылся такой простор, что все семеро радостно закричали: «Киллькли! Киллькли! Как хорошо, что мы родились здесь, где такое прекрасное чудо-озеро! Оно громадно! Оно всё в солнце! Это наше озеро! Наша родина!»

«Киллькли! Киллькли!» — всё радостнее кричали молодые лебеди. А Белопух и Легкокрылая слушали их.

Они знали: куда бы теперь ни улетели их дети на зиму, весной они непременно вернутся сюда, на чудо-озеро, где они родились, выросли, стали большими, красивыми, сильными птицами.

ВЕРНЫЙ ФЕТЮК

У моего соседа была собака по кличке Фетюк. Ноги у Фетюка были короткие, туловище длинное, а голова маленькая. За длинное туловище на коротких ножках ребята прозвали его «цистерной». Они показывали на него пальцем и смеялись, глядя, как он, положив хвост кренделем на спину, семенил на своих коротышках. Но Фетюк не обращал на них внимания, — он был немолод и очень серьезен. А серьезен оттого, что был всегда занят.

Ночью, когда все спали, он охранял дом. Чуть свет ему уже надо было провожать хозяйку в хлев. Пока она доила и молоко тоненько стучало о подойник, Фетюк облизывался, зная, что хозяйка плеснёт ему молока, и строго смотрел на корову, чтобы та не мешала хозяйке делать своё дело.

Проводив хозяйку домой, Фетюк ложился на крыльце, теперь уже с нетерпением дожидаясь хозяина.

Когда-то давно-давно, когда Фетюк был ещё глупым щенком, хозяин принёс его в кармане. Он до того был мал и беспомощен, что даже котёнок отнимал от него блюдце с молоком.

— Эх, ты, простофиля, как есть фетюк, — говорил хозяин и ласково гладил его большой тёплой рукой.

За эту ласку щенок и полюбил хозяина, а кличка Фетюк так к нему и прилипла.

Шли годы.

— Ну, что, Фетюк? — говорил хозяин, выходя на крыльцо.

Фетюк вскакивал и начинал вертеть из стороны в сторону своим кренделем.

— Совсем уж ты постарел, по ночам не лаешь, будто тебя и нет, — говорил хозяин.

Фетюк вставал на задние лапы, клал передние на

грудь хозяину и преданно глядел в глаза. Ему казалось, что хозяин говорит хорошие слова, а не упрекает. Если бы он понимал человеческий язык, то мог бы ответить так: «А зачем мне попусту лаять? Это когда я был молодой, то на всех лаю, даже на ворон и мешал вам спать. А теперь я лаю, только когда кто-нибудь лезет во двор. Но во двор никто не лезет, и я молчу».

— Да-да, совсем ты стал старый. Придётся другую собаку заводить, а то от тебя, я вижу, проку мало, — говорил хозяин.

А Фетюк от радости, что хозяин беседует с ним, начинал скакать, норовя лизнуть его в лицо.

— Ладно, ладно, вижу, любишь меня, — говорил хозяин. — Только уж больно ты старый. Спишь, а надо караулить. А так ведь и хорь может забраться к нам, всех кур передушить. — Он ласково хлопал его по загривку и шёл к калитке.

И тут для Фетюка наступал самый горький час — хозяин давно запретил ему выбегать за ворота, и поэтому Фетюк мог провожать его только взглядом. И он долго-долго глядел вслед уменьшающейся фигуре хозяина, пока тот не скрывался из виду.

Но особенно долго скучать не приходилось — звали дела. И Фетюк возвращался во двор, ложился в тень и начинал сторожить клуху с цыплятами. Дело в том, что к ним повадился ходить толстый, мордастый кот. Он крался по кустам, полз по траве, вмиг выскакивал, и... Но тут-то как раз и подоспевал Фетюк. Он молча набрасывался на кота. Кот испуганно фыркал и, задрав хвост, нёсся в кусты, перелетал через забор, мчался по поляне, прыгал через гряды и еле переводил дух у своего дома. Конечно, всё это время клуха кудахтала, и на её крик выбегала хозяйка.

«Что такое? Что такое? — встревоженно спрашивала она, обращаясь к Фетюку. — Наверно, кот был? Что же ты не сторожишь как следует? Совсем старый стал! Никуда не годишься!» Она говорила сердито, и хотя ни-

какой вины за собой Фетюк не знал, всё же виновато шевелил хвостом.

Приходила почтальонша. Фетюк её знал и поэтому не лаял.

— Какая у вас умная собака, — говорила почтальонша хозяйке. — Я так боюсь собак, а вашу совсем не боюсь.

— Старая, потому и не боитесь. Сейчас кот приходил за цыплятами, так он хоть бы ухом повёл. Вот скоро заведу овчарку.

Фетюку нравилось, когда люди негромко говорили друг с другом. Он садился и смотрел то на одного, то на другого. Но если уж очень долго говорили, то он был не прочь и вздремнуть. Ведь так хорошо дремлет, когда люди долго говорят.

— Видите, какой старый? — говорила хозяйка. — Уже спит. Вон по нему муха ползёт, по самому носу, а он и не чувствует...

Но Фетюк тут же лязгнул зубами и съел муху.

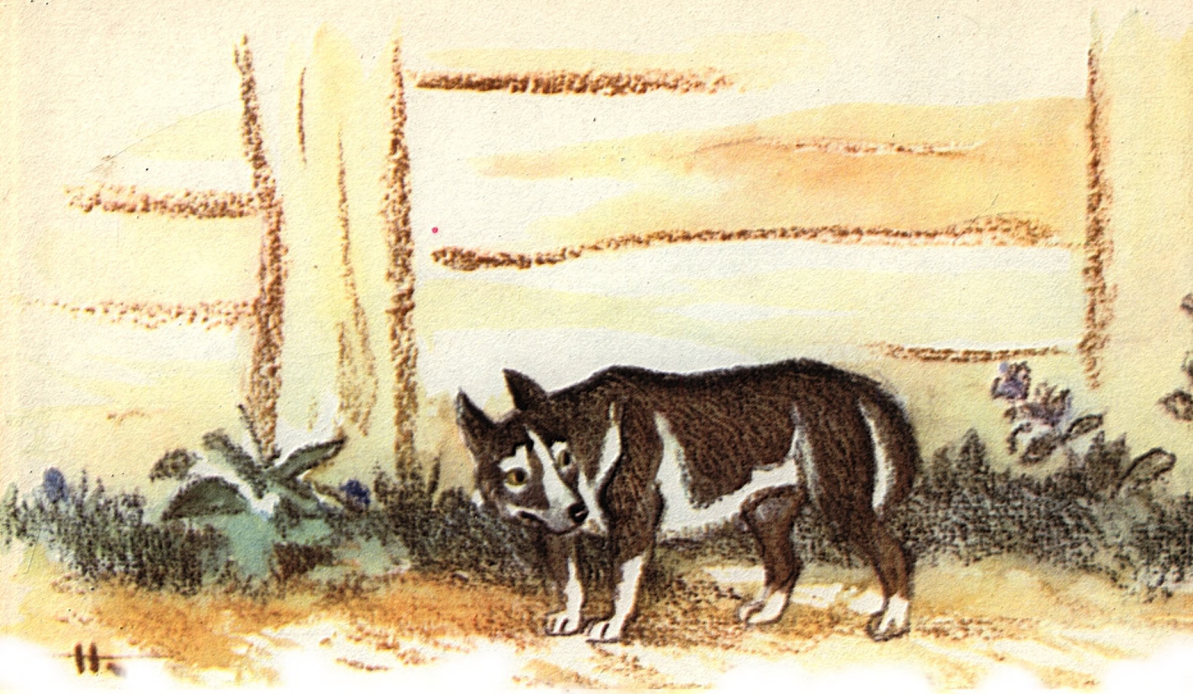
— Вот так старый! — засмеялась почтальонша.

— Старый, старый, — сказала хозяйка. — Вон опять спит.

А Фетюк и верно дремал. Он ведь не спал всю ночь, и как же ему не поспать, если теперь во дворе сама хозяйка. И дремал до тех пор, пока не приходил с работы хозяин. Радостно мотая хвостом, он встречал его и с этого часа уже охранял дом.

Так и дальше шла у него жизнь. Шла до тех пор, пока в доме не появился щенок. Толстый, крупноголовый, пушистый и круглый, как шар. Хозяева брали его на руки, мыли в тазу, гладили, играли. Сначала Фетюк не обращал на это внимания. Он даже как будто бы и понимал: ну, что же, щенок маленький, надо за ним ухаживать. И даже сам был не прочь лизнуть его в тёплый нос. И, как всегда по утрам, весело встречал хозяйку. Но она теперь будто его и не видела. Он мчался навстречу хозяину, но и хозяин отводил его рукой.

— Подожди ты, — говорил он, — не мешай. — И опу-

скал щенка на землю. И тут голос у него становился мягким и ласковым. — Ральф, Ральф, — говорил он. — Хорошая моя собака... Умница... Умница...

Фетюк пытался хотя бы понюхать этого «умницу», но хозяин отгонял его. И Фетюк отходил, не понимая, почему его гонят.

— Вперёд! — кричал хозяин и бросал палку. И щенок, неуклюже переваливаясь, нёсся за палкой. — Голос! Голос! — кричал хозяин. И щенок срывающимся голосом лаял, хотя вокруг никого не было, и получал за то, что зря потявкал, кусок сахара.

Однажды и Фетюк подал голос, но хозяин тут же закричал на него и прогнал, и Фетюк обиженно отошёл к будке и пролежал там весь день, надеясь, что, может, хозяин позовёт, но хозяин даже и не вспомнил о нём. И хозяйка забыла, не вынесла еду. И Фетюк загрустил. Его хвост уже не лежал весёлым кренделем на спине, а опустился к земле. И голова у Фетюка была опущена.

— Да, совсем, совсем уже старый стал наш Фетюк,— говорил хозяин, — вовремя мы Ральфа завели.

А щенок рос и скоро стал выше Фетюка.

— Придётся Ральфа поместить в будку, — как-то сказал хозяин и поместил щенка в будку, а Фетюку бросил клок сена возле крыльца.

И тут Фетюк понял, что хозяева совсем разлюбили его. Всю ночь он тоскливо скулил. Уткнув нос в лапы, он ждал, может, хозяин выйдет, приласкает его. Но хозяин спал и ничего не слышал.

Утром хозяйка, как всегда, вынесла корм, но на этот раз корм был в одной большой миске. Она поставила миску у будки. Фетюк приблизился к миске, но тут же услышал злое рычание Ральфа и увидел его белые острые зубы. И Фетюку ничего не оставалось делать, как только отойти. И он отошёл. И посмотрел на хозяйку, ожидая, что та накажет щенка за дерзость. Но хозяйка засмеялась.

— Посмотри, — сказала она хозяину, — Фетюк боится Ральфа. Ай да Ральф!

И они засмеялись. А Фетюк, ещё ниже опустив голову, пошёл к крыльцу. Весь день он пролежал голодный, дожидаясь, что его накормят, но хозяйка, как видно, совсем не думала о нём.

Наступил вечер. А за ним и ночь. Фетюк слышал, как постепенно затихали все дневные шумы. Перестали шуршать о шоссе машины, замолкли птицы, не слышно было и людских голосов. Затем появились новые, ночные звуки. Из будки стало доноситься ровное глубокое дыхание Ральфа, где-то заорал кот, шумно вздохнула корова, сонно прощепетали куры.

И вдруг до Фетюка донёсся осторожный шорох. Фетюк наострил уши, зорко поглядел в сгустившуюся тень и различил у курятника что-то длинное чёрного цвета. Оно прыгало у дверей, вертелось и совсем не замечало Фетюка.

Подкравшись, Фетюк накинулся на зверя. И в ту же секунду почувствовал резкую боль, будто кто полоснул его по ноге и морде острыми иглами. А потом его обдало вонючим запахом, таким, что он чуть не задохся. Перегибая отвращение, Фетюк ещё сильнее сжал челюсти, и зверь затих. После этого Фетюк выпустил мёртвого зверька, а сам, страдая от ран, из которых сочилась кровь, отошёл к крыльцу.

Утром, как всегда, во двор вышла хозяйка. Ральф к этому времени уже выспался и вылез из будки, потягиваясь и виляя перед хозяйкой хвостом.

— Сейчас, сейчас, — погладила она его, — подою коровушку и дам тебе молочка. Сейчас... — И тут она увидела у дверей хлева мёртвого зверя. — Иди! Скорей! — закричала она. — Смотри, Ральф хоря убил!

На её крик выбежал хозяин.

— Ну, молодец! Ай, молодец! Хоря поймал! — обрадовался хозяин. И гладил Ральфа. — Вот как надо сторожить! — сказал он Фетюку. — А ты только спишь! —

И тут он увидал, что у Фетюка вся морда в глубоких кровавых ранах. — Да это никак ты сделал? .. — ещё пристальнее вглядываясь, удивлённо сказал хозяин.

Фетюк поднялся было навстречу хозяину, но тут же взвизгнул от боли.

— Так вот оно что, — сказал хозяин.

Он взял Фетюка на руки, бережно перенёс его к будке и положил его там на свежее сено. Потом принёс еду. Ральф кинулся к миске, но хозяин отвёл его рукой.

— Нет, нет, подожди, оказывается, мы рановато Фетюка в старики записали. Он-то как раз и есть молодец. А тебе ещё надо до него подрасти.

— Ешь, ешь, Фетюк, поправляйся, — говорил хозяин и гладил его, и Фетюк от счастья, что хозяин по-прежнему ласков с ним, глядел преданно, и хвост его, закрученный кренделем, тихо качался из стороны в сторону.

СКАЗКИ

ТАЙНА БОЕВОГО КУЗНЕЧИКА

Не знаю, чем всё это объяснить, но стоит мне только сказать вслух: «Сказка начинается!» — как сразу какое-то удивительное волшебство происходит у меня на глазах, и сказка на самом деле начинается. Отчего это? Почему? Не знаю.

И что интересно, сказка каждый раз бывает новой. Ещё не было ни одной, похожей на другую. (Это вам следует запомнить — пригодится в конце.) Если говорил я эти слова в лесу — начиналась лесная сказка, если в море — морская, на озере — озёрная, в горах — горная, а если сидел дома, то начиналась сказка домашняя.

В поле я ещё ни разу не произносил этих чудодейственных слов. И вот шагал теперь туда.

В поле утро было как утро, туман как туман, цветы как цветы и роса как роса. Но только стоило произнести: «Сказка начинается!» — как сразу всё изменилось.

Туман тут же заворочался и стал уже не туманом, а пуховым одеялом. Кто-то с силой отбросил его и воскликнул:

— Пора вставать!

Кто бы вы думали мог это быть? Ручаюсь, никогда не догадаетесь. Кузнечик! Да-да, Кузнечик! Он вскочил с постели и стал заниматься зарядкой — приседал, прыгал, потом обтёр всё тело холодной росой, а после надел ярко-зелёный мундир с золотыми погонами, сделанными из солнечных лучей. Мундир, как и подобает быть военному мундиру, был без единой морщинки.

Вы, конечно, догадались, что это был не простой, а боевой Кузнечик!

Надев мундир, он ловко влез на самую высокую травинку (а это была Дудка с пятью белыми зонтиками) и стал смотреть в разные стороны — и на юг, и на запад, и на север, и на восток. Как видите, он очень хорошо знал все стороны света и ни одной не пропустил.

Он смотрел и пел свою боевую песню:

У меня закон простой!
Побеждаю всех, кто злой!
Кто же слабый — помогу!
Я иначе не могу!

И только успел допеть последние слова, как сразу же увидел в лесу страшную картину. За Зайцем гналась Лиса. Бедняга петлял, прыгал через кусты, удирал изо всех сил.

— Я пропал! Я пропал! — лопотал он. — Спасите! Спасите! Она меня догоняет!

И действительно, Лиса его догнала, схватила за воротник и повернула к себе. От страха глаза у Зайца стали настолько косыми, что правым глазом он увидал левое ухо, а левым глазом — правое.

— Чего ж ты убежал, а? — ласково сказала Лиса. — Неужели надеялся удрать?

— Не трогайте меня! Пожалуйста, не трогайте! Отпустите! — плача, сказал Заяц.

— Как бы не так. Разве я отпущу такого мякенького. Ни за что! Я тебя съем...

— Ой-ой... Не надо... Не надо! Пожалуйста, не надо! — упал перед ней Заяц на колени.

— Надо... Надо... — ещё ласковее сказала Лиса, но тут послышалась песня:

У меня закон простой!
Побеждаю всех, кто злой!
Кто же слабый — помогу!
Я иначе не могу!

Был это, конечно, Кузнечик. Как только он увидел, что Лиса поймала Зайца, он вскочил на Стрекозу (свой личный вертолёт) и ровно через секунду был в лесу.

— Сейчас же оставь Зайца! — крикнул он Лисе. — Или тебе будет худо!

— Мне худо? Да я тебя лапой раздавлю!

— Ах, так! — воскликнул Кузнечик и отдал приказание Комару — своему личному адъютанту.

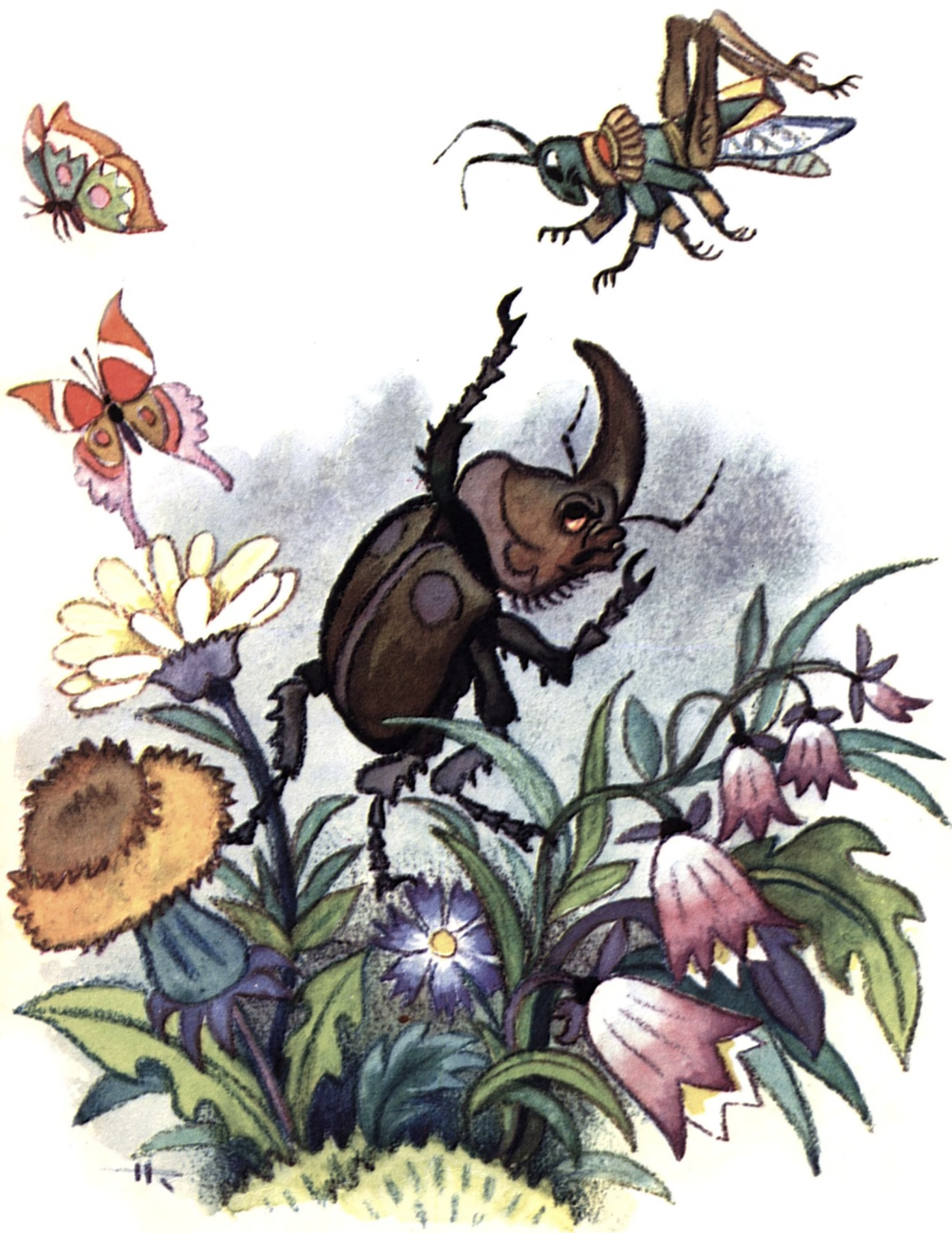
Комар затрубил и понёсся к Лисе со скоростью реактивного самолёта. И в ту самую минуту, когда Лиса приготовилась позавтракать, что-то острое, как игла, впилося ей в нос с такой силой, что она выпустила из своих лап перепуганного зайца и завертелась на месте.

Заяц, конечно, не стал ждать, пока Лиса вспомнит о нём, и припустил что есть силы наутёк, даже и не подзревая, кто его спас.

Победно трубя, Комар вернулся к Кузнечику и доложил ему обо всём.

— Молодец! — похвалил его Кузнечик и только хотел было выдать ему награду, как обнаружил ещё одно злодейство.

Громадный Жук-Носорог обижал нежную Бабочку. Кузнечик знал этого Жука давно. Он был страшный лентяй, ни за что не хотел чистить свой рог и заставлял это

делать Бабочек. Бабочки чистили, но каждый раз, как только почистят, так тут же слабеют, вянут и умирают.

«Ну, с этим пора кончать!» — решил Кузнечик, сел на свой личный вертолёт и понёсся за реку.

— Я — боевой Кузнечик! — спрыгивая с вертолёта, грозно сказал он. — Приказываю сейчас же отпустить Бабочку и больше никогда её не обижать!

— Кто это осмеливается мне приказывать? — злобно рассмеялся Жук-Носорог. — Не хочешь ли ты со мной сразиться?

— С удовольствием. Только сначала послушай мою боевую песенку. — И тут же запел:

У меня закон простой!
Побеждаю всех, кто злой!
Кто же слабый — помогу!
Я иначе не могу!

Жук грозно ринулся на Кузнечика, а Кузнечик в ту же секунду отпрыгнул в сторону. Жук и не подозревал, как ловко умеет Кузнечик прыгать, — такого прыгуна, как он, не было на всём свете.

— Стой на месте! — закричал Жук и нацелил свой рог. Но Кузнечик не стал ждать, когда Жук нападёт на него, он опять отскочил в сторону.

Тут Жук совсем рассвирепел. Он погнался было за Кузнечиком, но где ему было угнаться! Кузнечик прыгал то туда, то сюда и каждый раз, пролетая мимо Жука, успевал лапами ударить по грозному рогу.

— Ну, я тебя! Вот я тебя! — прошептал Жук, когда увидел, что Кузнечик стоит, прижавшись к старому трухлявому пню. Но в последнюю секунду Кузнечик опять ловко отскочил, а рог Жука-Носорога до самого носа вошёл в пень.

— Ой! — закричал Жук и потянул рог назад. Но куда там, рог и не шевельнулся. — Помогите-е-е-е! Спасите-е-е-е!

— Спасу, — сказал Кузнечик, — спасу, если ты больше никогда не будешь обижать Бабочек и станешь сам чистить свой дурацкий рог.

— Сам, сам буду! Только отпусти меня!

— Пень, отпусти его! — скомандовал Кузнечик.

Пень выпустил рог, и Жук, кряхтя, поковылял во-свояси.

А Кузнечик вернулся домой, снял свой мундир и лёг отдохнуть.

Да, он, конечно, имел полное право отдыхать.

Неподалёку от него радостно порхали Бабочки. Их было очень много — и белых, и коричневых, и голубых, и пёстреньких, — и всем им было весело, потому что уж больше не придётся чистить Жуку его гадкий рог.

А солнышко подымалось всё выше. Становилось жарко. Жарковато было и мне. Я снял пиджак.

— Идите сюда! — позвал меня Кузнечик и показал место рядом с собой.

— Да ведь я большой, — сказал я.

— Это вам только кажется, что вы большой. На самом деле вы маленький. Даже меньше меня.

Я поглядел на себя — и верно, я был маленький, только не замечал этого. И тогда я лёг рядом с ним.

— Скажите, — спросил я, — как это вы видите, когда кого обижают?

— Это не так уж трудно, — ответил Кузнечик. — Всё зависит от того, насколько у вас доброе сердце. Чем добрее сердце, тем дальше видят глаза.

— Мне очень хочется быть добрым, — сказал я, — но это не всегда удаётся. Скажите, что нужно сделать, чтобы всегда быть добрым?

— Что? Слушайте.

Я придвинул к нему своё ухо. Но он не успел ответить. Громадная тень накрыла меня и Кузнечика. Я поднял голову и увидал, как к нам со страшной скоростью приближается какая-то гигантская птица с раскрытым клювом и выпученными чёрными, как большие шары, глазами.

— Ласточка! — крикнул Кузнечик. — Бегите!

— А вы? — в страхе спросил я.

— Не думайте обо мне! Спасайтесь!

— Кузнечик, иди сюда! — слышался в это время голос Старой Улитки. — Иди в мой дом!

— Идите! — быстро сказал я ему. — Бегите, пока не поздно! Я спасусь. Бегите.

— Благодарю вас! — крикнул Кузнечик и тут же спрятался в домике Улитки, а мне, чтобы спасти свою жизнь, ничего не оставалось делать, как только крикнуть: «Сказка кончилась!»

Я крикнул и сразу же оказался на дороге, и тут же мимо меня пролетела маленькая ласточка. Она покрутилась над Дудкой с пятью зонтиками, но, никого не увидав, полетела дальше.

«Как хорошо, что Кузнечик спасся, — подумал я. — Какой он молодец!..»

И тут же вспомнил, что Кузнечик не успел мне открыть свою тайну. В чём она? Что надо сделать, чтобы стать добрым? Ведь это очень хорошо — быть добрым...

«А что, если вернуться в сказку? — подумал я. — Может быть, Кузнечик и доскажет?» И произнёс: «Сказка начинается!» Но, как я уже сказал вначале, похожих сказок не бывает. Так и на этот раз, — началась совсем другая сказка. Про то, как полевая мышь чистила от пыли свою шубку. Да-да, она сняла её, повесила на травинку и стала выколачивать пыль, оставшись сама в тоненьком сером платье. Честно говоря, я до этого дня не знал, что у мышей снимаются шубки...

Только ведь мне не эта сказка нужна была. Мне нужен был Кузнечик с его тайной. Но сколько я ни вглядывался в траву, сколько ни звал его, он не появился, а мышь, не обращая на меня внимания, что-то напевала себе под нос.

А Кузнечика не было нигде. И уже к вечеру, когда стало садиться солнце, и я с грустью сказал: «Сказка кончилась».

И она кончилась!

ФАКЕЛ И ЧАСЫ

На письменном столе, среди многих вещей, были: серебряная балерина, стоявшая на одной ножке, с крохотными часами в груди, и бронзовый юноша, высоко вздымавший факел.

Как только хозяин этих вещей уходил из квартиры, так сразу же между юношей и балериной начинался разговор. Юноша восхищался балериной. Он сравнивал её то с бабочкой, то с лёгким весенним ветром. Он говорил о своей любви к ней. Но она отвечала всегда одно и то же:

— Какой вы странный! Если бы у вас было сердце, тогда я, возможно, полюбила бы вас. Но у вас нет сердца. Помолчите минутку. Послушаем!

Они замолчали, и тогда в тишине чётко слышалось постукивание часов в груди балерины: «Тик-так... тик-так... тик-так...»

— Что из того, — говорил юноша. — Да, у меня серд-

ца нет, но, уверяю, я вас очень люблю. Клянусь светом моего факела!

— Нет-нет-нет! Не говорите, не говорите, не говорите! — щебетала балерина. — У меня есть сердце. А у вас его нет. И поэтому я вас никогда-никогда не полюблю!

— Что ж, — горестно вздыхал юноша, — я буду счастлив и тем, что буду всегда освещать вашу жизнь.

— Как угодно, как угодно. Но я вас всё равно не полюблю!

Однажды владелец этих вещей уехал, по рассеянности позабыл выключить свет, и факел горел день и ночь.

— Вы видите, я держу своё слово, — сказал юноша, — я буду теперь всегда, и днём и ночью, освещать вас.

— Как хотите, как хотите! — прошептала балерина.

Но она не знала того, что пройдёт ещё несколько часов — и завод окончится, пружина развернётся до конца — и сердце у неё остановится.

Так и случилось. Всё тише, тише стучало у неё сердечко. И вдруг она поняла, что жизнь оставляет её.

— Ой, мне кажется, я умираю, — прошептала она.

Услышав слова балерины, юноша встревожился и стал ещё ярче светить факелом. Но это, конечно, не помогло, — всё тише, тише билось её сердечко. Она умирала. И вдруг он услышал то, чего добивался так долго.

— Да-да, люблю, люблю... — говорила балерина. Она понимала, что умирает, и ей так захотелось хоть раз кого-нибудь полюбить. Ведь так обидно прожить жизнь и не полюбить никого. И она стала говорить бедному юноше самые нежные, самые светлые слова, каких никогда никому не говорила.

— Но зачем же так поздно? — вскричал в отчаянье юноша. — Как же я теперь останусь без вас? Зачем мне вечно светить, если вы будете мертвы?

— Я умираю, — прошептала балерина, — ещё два удара сердца — и всё затихнет в моей груди.

Прозвучали два удара, и всё стихло.

Сколько ни звал балерину бронзовый юноша, сколько ни светил факелом — она не отзывалась. И для него начались нескончаемые дни печали. Он только и жил мыслью, что она любила его, и всё время повторял её слова любви.

Но однажды, доведённый до отчаянья её молчанием, он не выдержал, рука, державшая факел, дрогнула, и свет погас.

Так прошло немало времени.

И всё же наступил день, когда в квартиру вернулся хозяин. Он загорел, был радостный. Вместе с ним приехала красивая женщина. Она с любопытством осматривала всё, что находилось в его кабинете. Остановилась и перед балериной.

— Это мои любимые вещи, — сказал хозяин. — Вот ещё настольная лампа. — И он показал красивой женщине бронзового юношу, вздымавшего факел. — Но пока я ездил, часы остановились, а лампа, как видно, перегорела.

Он взял новую лампочку и заменил перегоревшую. Вынул из кармана ключик и завёл часы.

После этого они ушли.

— Что это? Я как будто живу. Я живу! — крикнула балерина.

— Я счастлив, — радостно ответил ей юноша, — если бы вы знали, как тяжело мне было все эти дни. До того тяжело, что я даже погасил факел.

— Ах, какое мне дело до вас. Я живу! Я счастлива! И мне больше ничего не надо!

— Но ведь вы меня любите? — спросил юноша. — Вы же сказали, умирая, что любите меня.

— Ах, — ответила балерина, — ну что ни скажешь, умирая!

ГОЛАЯ ЛЯГУШКА

Это было очень-очень давно.

Лягушка жила тогда в море, и у неё, как у рыбы, была чешуя. Красивая, вся из перламутра. Стоило солнышку или луне проникнуть в морскую глубь, как лягушка становилась то золотой, то серебряной, а то и сразу золотой и серебряной, если луна и солнце на небе встречались.

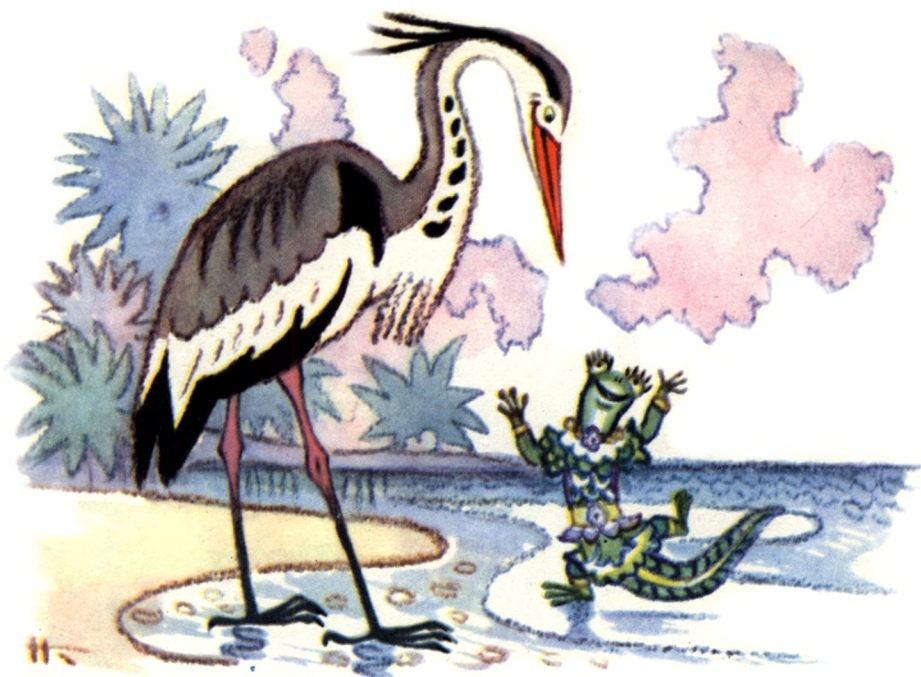
Конечно, лягушка своим нарядом очень гордилась. Да и не только она, все рыбы были в восторге от её красоты! Из самых далёких морей приплывали самые редкие рыбы, чтобы полюбоваться такой красавицей.

— Да, она красива, но, похоже, совершенно немая, — замечала акула, с завистью разглядывая лягушачий хвост, переливавший всеми цветами подводной радуги.

— Нет, что вы, — быстро поворачивалась к акуле уклейка. — Она прекрасно говорит, но очень гордая и ни с кем не хочет разговаривать.

— Да, она зазналась, — добродушно подтверждал

сом. — Зазнаваться, конечно, никому не следует, но лягушке можно. Уж очень она красива.

От таких разговоров лягушка была сама не своя. И всё чаще стала подумывать, а не показать ли ей себя и на берегу. Ведь там-то её ещё никто не видел!

И она поплыла к берегу. Долго плыла, очень долго. И была то золотой, то серебряной, а то и сразу золотой и серебряной. А на всём пути её встречали рыбы, и, как всегда, восхищались её красотой.

Но вот и берег. А по нему ходят высокие птицы с длинным клювом.

«Интересно, что-то они скажут, когда увидят меня», — подумала лягушка, выпрыгнула из воды на песок и стала поворачиваться к птицам то грудью, то боком, то хвостом.

— Смотрите, море нам выбросило рыбу, — сказала страшным голосом одна из птиц.

— Нет, не выбросило. Я сама! — возмутилась лягуш-

ка и стала ещё быстрее подпрыгивать, показывая себя со всех сторон.

— А я тебя сейчас съем! — крикнула птица. Это была цапля, она нацелилась на лягушку своим длинным, острым клювом.

Лягушка задрожала и бросилась к воде. Но до воды было не так-то близко — только что самая большая волна откатилась с берега в море. Лягушка так перепугалась, что от страха у неё мгновенно выросли ноги.

Раз-два! Раз-два! И она в воде.

Но теперь в воде ей было холодно.

«Отчего бы это?» — подумала она и тут увидала, что у неё нет ни одной чешуйки. «Это когда я прыгала, они осыпались и теперь лежат на берегу».

Она вернулась за чешуйками. Но чешуек на берегу не было. Их смыло волной.

«Как же мне быть? Как?» — хотела спросить лягушка, но у неё получилось: «Ква! Ква!»

— Ах, вот ты где, квакша! — снова раздался крик цапли. — Теперь-то я тебя съем!

И лягушка опять в страхе запрыгала к морю.

В море её увидели рыбы. Они так рассердились, за то что она где-то потеряла свой прекрасный наряд, что готовы были избить лягушку. Особенно зла была щука, — она решила лягушку съесть!

И лягушке пришлось бежать на берег. Но там были цапли.

И лягушка снова кинулась в воду. А там была щука.

С тех пор лягушка-квакушка и прыгает то в воду, то на берег. Так и живёт.

А из её чешуек в море выросли прекрасные перламутровые раковины.

ДОБРАЯ РАКОВИНА

В бурю море становилось злым, чёрным. Ветер подымал на нём высокие волны — такие высокие, что они даже закрывали солнце. Волны несли к берегу и выбрасывали на песок, на камни длинные водоросли, неосторожных рыб, измученных прибоем крабов и множество красивых маленьких ракушек. Иногда море выбрасывало и чудесные большие раковины. Но это случалось очень редко. По крайней мере, Грише ещё ни разу не посчастливилось найти такую.

Уж больше недели свирепствовал на море ветер. Волны из всех сил били о берег. Но постепенно ветер затих и море успокоилось. Гладкое, оно сверкало на солнце, похожее на огромное зеркало.

— Что же ты сегодня подаришь мне? — спросил Гриша у моря. — Хорошо бы большую раковину.

— Шш-ши-ши... Ши-ши-ши... Шш-ши-ши, — ответило море шелестом волн.

— Ага, — догадался Гриша. — Ты говоришь: «Ищи... ищи... ищи». Хорошо, я буду искать.

И он пошёл по берегу, внимательно разглядывая всё,

что выбросило в бурю разгневанное море. Но раковина не попадалась. Он сел на большой плоский камень и стал смотреть в море.

Вдоль берега на быстроходной лодке быстро мчался мальчуган. Он был немногим старше Гриши.

— Возьми меня покататься! — крикнул ему Гриша.

Но мальчуган даже и не посмотрел на него. И лодка пролетела мимо.

Гриша опустил голову — и вдруг увидел у своих ног большую чудесную раковину. Она была вся из розового перламутра и светилась так, будто в ней горела лампочка.

Не веря глазам, Гриша бережно взял её обеими руками и поднёс к уху. Раковина сразу же загудела. В её шуме слышался вой ветра, плеск волн и свист парусов...

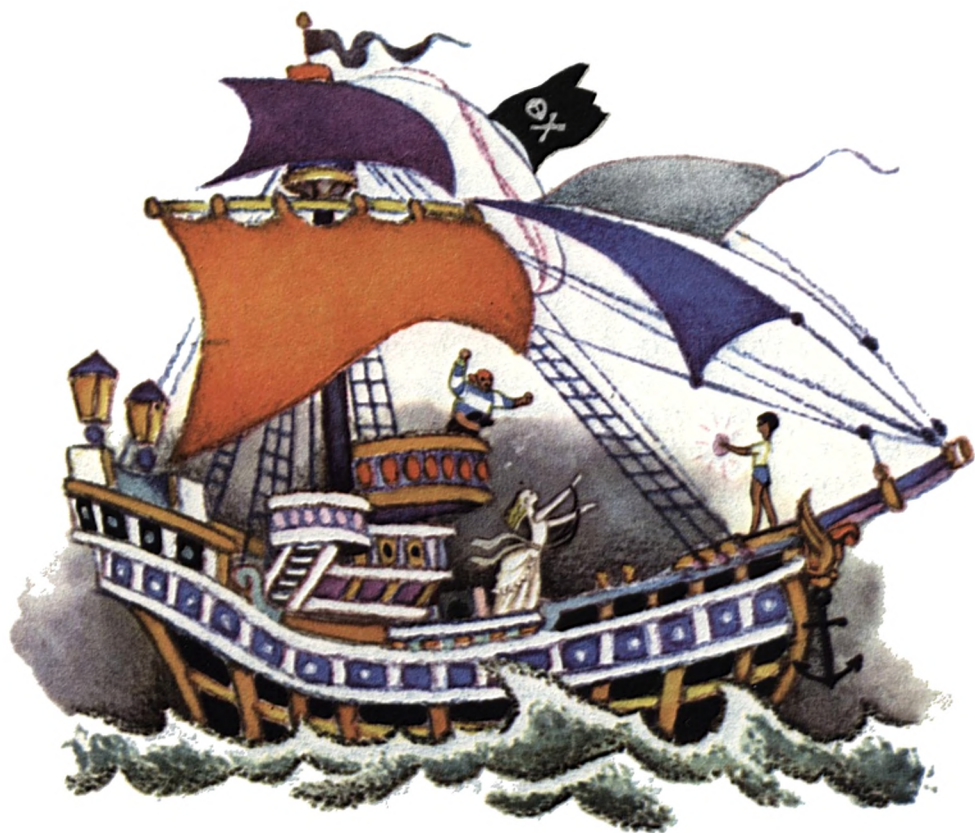
...И тут же Гриша увидел мчащийся по морю корабль. На его мачте развевался чёрный флаг. На носу

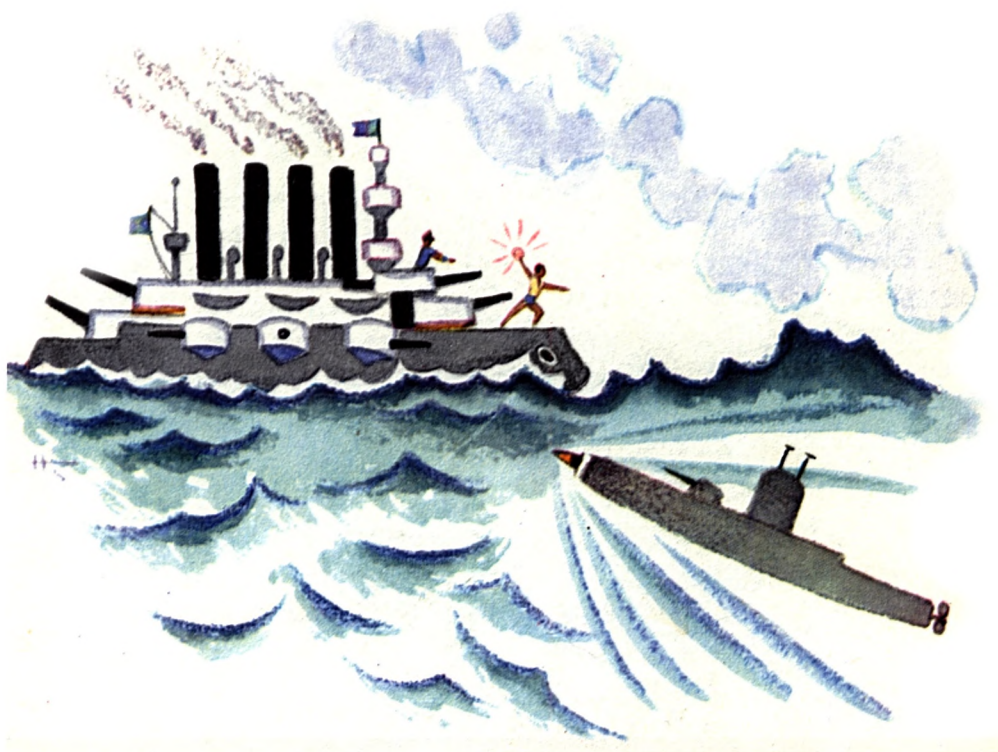
корабля стоял одноглазый пират. За поясом у него торчали пистолет и кривой кинжал. И как это получилось, Гриша не мог понять, но он оказался на этом корабле. И увидел связанную плачущую девушку. Она звала на помощь.

— Как мне помочь тебе? — спросил Гриша её.

— Дай мне раковину, — ответила девушка.

Грише не хотелось расставаться с раковиной, но очень жаль было девушку — и он отдал раковину. И тут же девушка превратилась в птицу и улетела. И как только улетела — всё исчезло. И Гриша увидел, что стоит на берегу и держит в руках чудесную раковину.

«Что это такое?» — удивлённо подумал он и снова приложил раковину к уху. И опять зашумела она, стала даже гудеть...

...И Гриша увидал на море военный корабль и на капитанском мостике молодого капитана. И тут же увидал фашистскую подводную лодку. И понял, что сейчас фашисты выпустят торпеду и судно погибнет. И как только он это понял, то сразу же оказался рядом с капитаном.

— Чем я могу помочь?! — крикнул Гриша капитану.

— Если бросишь раковину в море, фашисты погибнут и мы будем спасены! — ответил капитан.

— Хорошо! — ответил Гриша и уже замахнулся, как вдруг увидал проплывающую быстроходную лодку.

— Э, да у тебя раковина! — крикнул мальчуган, хо-

заяин лодки. — Если отдашь её мне, я тебя покатаю. Дай раковину и садись!

«А как же капитан? — подумал Гриша. — Если я не помогу, фашисты погубят судно!»

И, больше ни секунды не медля, он сильно размахнулся и бросил раковину. Она вспыхнула на солнце, как лампочка, и тут же утонула.

И опять стоит Гриша на берегу и держит в руках чудесную добрую раковину.

МАСТЕР ОЗОРНИК

В одном городе жил-был мастер. Он делал игрушки. Эти игрушки он никому не продавал, не дарил, не отдавал, а выводил на дорогу и отпускал. Но так как был он не просто мастер, а мастер Озорник, то любил всё делать наоборот. Ну, скажем, солдатикам вместо храбрых сердец вставлял сердца заячьи, трусливые, а зайцам, этим маленьким трусишкам, — храбрые солдатские сердца; лягушек одевал в прекрасные платья, а красавиц кукол — в лягушачью кожу.

И получалось, что зайцы со своими храбрыми сердцами, никого не боясь, бросались на медведей, на волков, даже на слонов и погибали, конечно, а солдатики с заячьими сердцами, ещё не дойдя до врага, уже бежали в страхе домой. Бедные красавицы куклы плакали в болоте, а лягушки, пугая музыкантов, квакали и прыгали, вместо того чтобы петь и танцевать.

И случилось однажды так: напали на город, в котором жил мастер Озорник, злые враги. И конечно же, сол-

датики, которым нужно было охранять город, испугались и побежали в лес.

Тут-то их и встретили зайцы. Удивились они, увидев, как быстро, без оглядки бежали солдатики, вооружённые пиками и ружьями, хотя за ними никто не гнался.

— Остановитесь! — крикнули им зайцы.

Но солдатики не могли остановиться — они даже зайцев боялись.

— Как вам не стыдно! — крикнули зайцы. — Вы не солдаты, а трусы!

— Да, — крикнули, не останавливаясь, солдатики, — мы трусы, мы всего боимся, хотя и очень сильные!

— А мы храбрые, мы никого не боимся, — сказали зайцы, — даже слонов не боимся, но погибаем, потому что очень слабые. Давайте меняться сердцами!

— Давайте! — согласились солдатики.

И тут же они обменялись сердцами.

Зайцы сразу же убежали в кусты, а солдатики, как и подобает храбрым солдатам, пошли сражаться с врагом, напавшим на их город.

Худо было бы мастеру Озорнику, если бы враги заняли город, да и не только ему, а всем-всем, но солдатики пришли вовремя. И отогнали врага. И вернулись домой, к своим невестам — красавицам куклам.

Но их встретили не красавицы куклы, а большеротые, с выпученными глазами лягушки в прекрасных платьях.

— Где же наши невесты? — спросили солдатики.

— Они в болоте, — чуть слышно ответил мастер Озорник, и ему стало так стыдно за своё озорство, что он покраснел, как помидор.

— Да ведь тебя за это убить мало! — вскричали солдатики.

— Простите меня, больше я так никогда не буду делать, — сказал мастер Озорник и встал на колени.

— Ну, смотри же! — пригрозили ему солдатики. — И запомни: никогда ничего нельзя делать наоборот! Иначе всем будет плохо!

После этого солдатики бросили лягушек в болото, а красавицам куклам, своим невестам, отдали прекрасные платья.

И все были довольны. Особенно лягушки. Они так расквакались, что даже пошёл дождь.

В СТАРОМ СУНДУКЕ

На чердаке одного старого дома стоял в углу большой с открытой крышкой сундук. Когда-то в него сваливали разный хлам. А среди хлама находились и игрушки: солдат с поломанной ногой, безухий медведь, слон без хобота и растрёпанная, в изорванном платье кукла.

Игрушкам давно уже надоело томиться в сундуке, и давно бы они выбрались, если бы кто-то из них согласился навсегда остаться в сундуке, встал бы у стенки, а остальные друг за другом забрались бы к нему на плечи и вылезли из сундука. Но такого самоотверженного среди них не было, и поэтому они до сих пор так и сидели в старом сундуке.

— Ну послушайте, слон, — говорила кукла, — помогите нам. У вас же нет хобота, а что вы будете делать без хобота, если даже и выберетесь из сундука?

— Мне бы только выбраться, — отвечал слон. — А там бы я сразу нашёл свой хобот. Я знаю, где он лежит. На

заднем дворе. И как бы только я нашёл свой хобот, так сразу же убежал бы в Африку. Нет, я не могу вам помочь. Вот если бы нас выручил медведь, то я бы ему сказал спасибо.

— Хоть и без хобота, а какой хитрый, — заворчал медведь. — Да мне дай только выбраться из этого сундука, как я сразу же убегу в лес. Эх, и погуляю я там! Нет, уж если кто нас должен выручить, так это солдат! Ноги у него нет, а без ноги ему всё равно никуда не уйти!

— Это вам только ка-

жется, — отвечал солдат. — Я найду палку. Сделаю из неё костыль. Только вы меня и видели. Если уж кому оставаться в сундуке, так это кукле. Растрёпанная, в рваном платье — да её сразу же потащат в баню, а там она размокнет. Уж лучше ей в сундуке остаться, чем стать мокрой тряпкой. Верно?

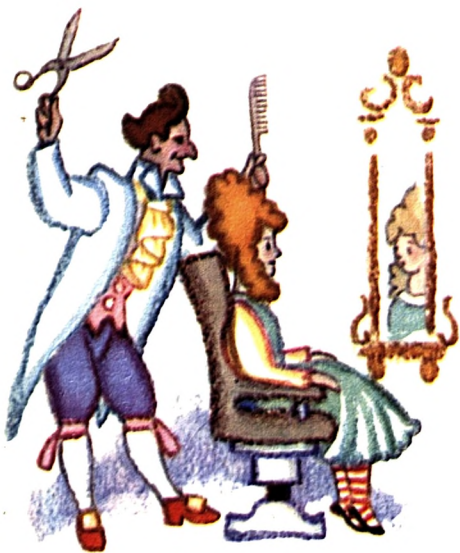
— Ничего не верно! — закричала кукла. — Подумаешь, растрёпанная. Я найду в парикмахерскую — там меня причешут. А портной сошьёт мне платье.

И стану я такая красивая, что вы меня не узнаете! Нет, если уж кому оставаться здесь, так это слону!

Но мы уже знаем, что отвечал на это слон...

И всё начиналось сначала.

Так продолжалось очень долго. И кто знает, может, игрушки никогда бы и не выбрались из сундука, если бы однажды солдат не посмотрел на куклу и не заметил того, чего не замечал никогда раньше. Оказывается, у куклы были удивительные глаза. Они могли закрываться и от-

крываться. И когда закрывались, то на щёки ложились длинные чёрные ресницы, а когда открывались, то в сундуке становилось светлее.

— Какие у вас красивые глаза, — сказал солдат, — разрешите на них посмотреть ещё.

— Смотрите, мне не жалко, — ответила кукла.

— Удивительные глаза! — сказал солдат. — Как это я не замечал их раньше? Наверное, потому, что всё время думал, как бы из сундука выбраться.

— Я тоже вас не замечала, — сказала кукла, — а теперь очень-очень рада вас видеть!

С этого дня жизнь в сундуке стала для них не такой печальной, как раньше.

Зато медведю и слону стало ещё хуже.

— Им хорошо... — ворчал медведь.

— Они счастливые! — гудел слон.

— А мы несчастные, — ворчал медведь.

— Да, мы одинокие, — соглашался слон.

— Что же нам делать? — ворчал медведь.

— Да, что же нам делать? — гудел слон. — Они совсем перестали думать о том, чтобы выбраться из сундука.

— Они нас предали! — заворчал медведь.

— Да, они нас предали! — загудел слон.

— Их надо убить! — зарычал медведь.

— Правильно! — загудел слон.

— Они нас хотят убить! — в страхе зашептала кукла.

— Не бойся, — сказал

ей солдат, — я с тобой! — И крикнул: — Эй, вы! Хотите из сундука выбраться? Выбирайтесь сейчас! Я становлюсь к стене!

И солдат прислонился к стене.

Медведь влез ему на плечи, дотянулся до края сундука и перевалился на другую сторону.

За ним полез слон и тоже выбрался. Было слышно, как они улепётывали с чердака со всех ног.

— Может, и ты хочешь выбраться из сундука? — спросил солдат куклу. — Иди. Я тебе помогу!

— Нет-нет! — ответила кукла. — Я не оставлю тебя одного!

— Спасибо! — улыбнулся солдат. — Да и не так уж плох этот сундук, если мы вместе!

И они сели рядышком и стали смотреть друг другу в глаза.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ РОМАШКА

Это случилось летом на даче.

Однажды утром Лёка взбежал на бугор и стал прыгать то на одной ноге, то на другой и не сразу услышал чей-то тоненький голосок:

— Осторожней, ты же меня сломаешь!

Лёка оглянулся, никого вблизи не увидел, подумал, что это ему послышалось, и стал опять прыгать.

— Ну как тебе не стыдно! — снова раздался тоненький голосок.

— Кто это говорит? — спросил Лёка.

— Я говорю... Ромашка.

Лёка оглянулся и увидел в шаге от себя высокую Ромашку, желтоголовую, в белом большом воротничке.

— Это ты говоришь? — спросил её Лёка.

— Да, я... Посмотри, сколько ты сломал цветов.

Лёка посмотрел и ужаснулся: колокольчик был вмят каблуком, анютины глазки раздавлены, иван-чай сломан...

— Честное слово, я не хотел, — виновато сказал Лёка. Он присел на корточки и заглянул Ромашке в лицо. Оно было ещё желтее, чем головка, и на нём прозрачным золотом светились глаза.

— Я никогда не видал таких цветов, как ты, — прошептал Лёка. — Обычно цветы молчат, а ты умеешь говорить. Расскажи что-нибудь.

— Что же тебе рассказать? Сегодня ночью совсем близко от меня прошёл крот. Он, бедняга, слепой, и просто чудо, что не подрыл мои корешки.

— А ты бы крикнула.

— Я так и сделала. И он убежал... Но всё же я очень испугалась. А вот недавно сюда прибежали зайцы. До самого рассвета они ловили друг друга, а потом убежали. — Ромашка помолчала и вдруг тревожно сказала: — Как хочется пить... Давно уж не было дождя.

— Я тебе принесу воды. Хочешь?

— Хорошо. Только никому не говори про меня.

— Ладно, — ответил Лёка и убежал.

Он уже возвращался с маленьким ведёрком воды, когда повстречался со Стёпой.

— Ты куда? — спросил он Лёку.

— Никуда.

— Как же никуда, если идёшь куда? Я пойду с тобой.

— Туда нельзя. Ромашка не велела!

— Какая ещё Ромашка? Врёшь ты!

— Честное слово, не вру. Она сказала, что хочет пить.

— Ромашка сказала? Ври ещё больше!

— Честное-пречестное!

— А ну, пойдём! — сказал Стёпа.

— Только дай честное слово, что не тронешь её, — попросил Лёка.

— Если она умеет говорить, то даю честное слово, что не трону.

И они побежали.

— Зачем ты привёл его? — с грустью сказала Ромашка, когда ребята склонились над ней.

— Ну, ты слышишь, слышишь? — спросил Лёка.

— Ничего не слышу. Она молчит, — сказал Стёпа.

— Как молчит? Ты слушай. Ромашка, он не верил мне, поэтому я привёл его... Расскажи что-нибудь.

— Что же тебе рассказать? Я пить хочу...

— Ну что же она молчит? — нетерпеливо спросил Стёпа.

— Как молчит? — удивился Лёка. — Разве ты не слышишь? Она пить просит.

— Ничего она не просит!

Стёпа оттолкнул Лёку, сорвал Ромашку и понёсся с бугра вниз.

— Что ты наделал! — кинулся за ним Лёка. — Отдай, отдай Ромашку! Он бежал и ничего не видел. Потом упал и заплакал.

— На, рёва-корова, — сказал Стёпа и бросил смятую Ромашку.

— Ромашка, — взял её в ладони Лёка. — Ромашка, ну что ты молчишь? Ну скажи хоть что-нибудь... — Он глядел на неё сквозь слёзы и не видел ни её золотистых глаз, ни солнечного личика, а может, их уже и не было. Не было потому, что Ромашка стала обыкновенным сорванным полевым цветком.

И конечно, она молчала.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Конечно, если бы не было Солнышка, то не было бы и Зайчика, который прыгал по стене, распевая свою весёлую песенку.

Я — Солнечный Зайчик!
Зовут меня — Скок!
Ля-ля! Ля-ля! Ля-ля!

— Ой, на стене Зайчик!

— А что в этом удивительного? — спросил Солнечный Зайчик.

— Да вот я болею, мне очень скучно, а тебя не было, — ответил слабенький голосок.

И тут Зайчик увидел в постели маленькую больную девочку.

— Не было потому, что я просто не знал, что ты болеешь. Но теперь я здесь, и тебе будет весело. — С этими словами Солнечный Зайчик опять стал прыгать по стене и распевать свою песенку:

Я — Солнечный Зайчик!
Зовут меня — Скок!
Ля-ля! Ля-ля! Ля-ля!

— А ты можешь сесть ко мне на руку? — спросила девочка.

— Конечно! — И Солнечный Зайчик тут же скользнул к ней в ладошку. Девочка стала ловить его. А он — скакать. И чем быстрее он скакал, тем веселее смеялась девочка.

— Как хорошо, что ты пришёл ко мне, — сказала она. — Побудь со мной до прихода мамы.

— Ну конечно, побуду, — согласился Зайчик и снова стал прыгать и распевать свою весёлую песенку, а девочка смеялась и хлопала в ладошки.

— Если ты побудешь со мной до ночи, то я и совсем поправлюсь, — сказала девочка.

«Я бы с удовольствием пробыл с тобой и до ночи, но дело в том, что как только Солнышко станет садиться на землю, мне обязательно надо успеть по его последнему лучу вернуться домой. Иначе я пропаду. Пропаду так, будто меня никогда и на свете не было», — вот так мог бы ответить Солнечный Зайчик, но он так не ответил. Он подумал и сказал:

— Конечно, я пробуду с тобой столько, сколько ты захочешь. Лишь бы ты поправилась! — И стал скакать не только по стене, но и по потолку. И чем громче девочка смеялась, тем быстрее он прыгал и веселее напевал свою песенку.

И это продолжалось до тех пор, пока Солнышко не стало спускаться к земле.

— Тебе пора домой, — ласково сказал Солнышко Солнечному Зайчику. — До вечера осталось совсем немного. Если не успеешь, — пропадёшь.

— Ну как же я могу уйти, если девочка ещё не поправилась?

— Торопись, торопись, мой Зайчик! Я ухожу. Торопись! — ответило Солнышко и опустилось ниже.

— Скажи, — спросил Зайчик девочку, — тебе ещё много надо поправляться?

— Нет, совсем уже немножко. Видишь, я даже могу сидеть. Побудь ещё, и я встану.

И Солнечный Зайчик остался.

Солнце село на землю, и от него остался всего один самый последний золотой луч. Зайчик мог сесть на него и скатиться прямо к Солнцу, но тут девочка сказала:

— Какой ты хороший и добрый, дай я тебя поглажу, — и положила ладошку на Зайчика.

Он хотел выскочить из-под её ладошки, как это делал раньше, но не смог, потому что Солнышко уже совсем ушло с неба.

— Ой, где же ты, Зайчик! — крикнула девочка. — Куда ты пропал? — Она поглядела на потолок, по сторонам, но Зайчик нигде не светился. Он пропал. Пропал, будто его никогда и не было.

— Зайчик, где ты? — Девочка уже хотела заплакать, но тут пришла мама, увидела девочку здоровой и обрадовалась.

И девочка обрадовалась, что мама пришла, и стала ей рассказывать про Солнечного Зайчика, про то, как он прыгал, как пел свою песенку и помог ей поправиться. А вот теперь его нет.

— Ничего, — успокоила её мама, — взойдёт Солнышко — и твой Зайчик опять придёт. А сейчас надо спать.

Девочка уснула. И пока она спала, прошла ночь, наступило утро, а когда проснулась, с неба уже светило Солнышко и на стенке прыгал Солнечный Зайчик.

— Мама, мама! — закричала девочка. Она уже совсем поправилась, хлопала в ладошки и смеялась. — Он здесь! Он здесь!

И на самом деле, Солнечный Зайчик прыгал на стене и распевал свою песенку:

Я — Солнечный Зайчик!
Зовут меня — Прыг!
Ля-ля-ля-ля-ля-ля!

Но это был совсем другой Солнечный Зайчик — Зайчик-Прыг, хотя и очень похожий на своего брата Зайчика-Скока.

Он пропел свою песенку и выскочил в окно. Потому что его уже давно ждали в детском саду. И как только он появился там, ребяташки сразу же стали его ловить, смеяться и кричать.

Ну, это же всегда так бывает: где Солнечный Зайчик, там и шум и весёлый смех.

ХРАБРЫЙ КЛОУН

Однажды в мастерскую, где чинили детские игрушки, пришла женщина и сказала мастеру:

— Пожалуйста, почините мне куклу. Когда-то это был солдат, но меч у него сломался, мундир, как видите, весь изодран. Пусть он теперь будет клоуном.

— Сделаем! — весело ответил мастер и тут же стал шить колпак.

— Что вы делаете? — закричала кукла. — Я не хочу быть клоуном! Я солдат! Я воин!

Но мастер не слышал, он напевал весёлую песню и шил туфли со смешным помпоном.

— Зачем мне эти дурацкие туфли?

Но мастер уже натягивал на него пёстрый костюм.

— Что он делает! Что он делает! — в отчаянье кричала кукла.

— А теперь клоун готов, — сказал мастер и дал ему в руки медные тарелки.

Потом он посмотрел на часы, увидел, что пора идти домой, и ушёл.

Когда магазин закрылся и в нём, кроме игрушек, никого не осталось, солдат осмотрел себя и с досады хлопнул тарелками. По всей мастерской разнёсся весёлый звон.

— Кто это так играет? — донёсся сверху нежный голос. — Это вы, клоун, так играете?

Солдат посмотрел вверх и увидел на полке куклу Светлану. Она глядела на него большими синими глазами. Таких глаз он ни у кого ещё не видел, хотя на своём веку многое успел повидать.

— Да, это я так играю. Вам нравится?

— Очень!

— Тогда спускайтесь. Будем танцевать!

Светлана спустилась, и по мастерской снова разнёсся весёлый звон.

С полок на Светлану смотрели медведи, зайчики, пупсы, резиновые жирафы — и все были в восторге от того, как она легко и красиво танцует.

— Клоун, а почему вы не танцуете? — спросила Светлана.

— Потому что я солдат. Зато я умею воевать с врагами.

— Какой вы солдат, вы клоун! — засмеялась Светлана и тут же вскрикнула от страха. На неё из угла, скаля длинные зубы, глядела большая рыжая крыса.

Эта крыса каждую ночь вылезала из своей норы и грызла всё, что ей попадалось на пути: столярный клей, крахмал, бумагу. Грызла книги. Грызла игрушки. Теперь она хотела добраться до Светланы.

— Спасайтесь! — крикнул солдат Светлане, а сам, выставив вперёд медные тарелки, преградил крысе дорогу.

«Как жаль, что у меня нет меча! — подумал он. — Если бы у меня был меч, я бы сразу убил её!»

— Я спаслась. Бегите! — крикнула Светлана с полки.

— Прекрасно! — ответил солдат. — Но я не уйду до тех пор, пока не погибнет враг! — И он тут же бросился вперёд.

Сверкали зубы.

Звенели литавры.

Удар!

Ещё удар!!

Ещё!!!

Все игрушки с волнением следили за страшным боем и тряслись от страха. Даже медведи тряслись, а зайцы закрыли глаза ушами.

— Победа! — крикнул солдат.

По всей мастерской разнёсся ликующий звон, и под его звуки истерзанный, покрытый глубокими ранами солдат в шутовской одежде клоуна упал и затих.

Он не слышал, как восхищались его храбростью игрушки, не слышал, как плакала Светлана, как звала его.

Утром пришёл мастер.

— Ах, проклятая крыса, что она сделала! — воскликнул он, поднимая истерзанного клоуна, и тут же увидел мёртвую крысу. — Э, да тут был настоящий бой! И победил клоун. Впрочем, он ведь раньше был солдатом. Пусть он солдатом и будет!

И мастер, весело напевая, принялся за работу. Он сшил солдату мундир, дал ему в руки меч и поставил на полку рядом со Светланой.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Воинственный Жако	7
Моя берёза	17
Девять белых лебедей	23
Верный Фетюк	35

Сказки

Тайна боевого Кузнечика	47
Факел и часы	56
Голая лягушка	60
Добрая раковина	65
Мастер Озорник	70
В старом сундуке	75
Необыкновенная Ромашка	80
Солнечный Зайчик	86
Храбрый клоун	91

Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста

Ворони Сергей Алексеевич

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Ответственный редактор *Д. Б. Колпакова.*
Художественный редактор *В. В. Куприянов.*
Технический редактор *Э. П. Кореньюк.*

Корректоры *К. Д. Немковская и Л. К. Маляко.*

Сдано в набор 15/XII 1972 г. Подписано к печати 7/VI 1973 г. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 6,26. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 381. Цена 1 р. 18 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного
Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград.
193036, 2-я Советская, 7.

Larisa_F

